

Дукенбай

Досжан

МОЁ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ

Творческая конференция, посвящённая памяти писателя, лауреата Государственной премии РК Дукенбая Досжана состоялась в год его 75-летия в Союзе писателей Казахстана. На ней была представлена выставка книг Д. Досжана, организованная его семьёй. «Простор» предлагает вниманию читателей размышления известного казахского писателя о нашем времени, о людях и литературе. Первая их часть была опубликована в газете «Казахстанская правда» 2 сентября 2010 года. Читатели благожелательно восприняли его литературные откровения. Читательские отзывы подвигли автора продолжить свои записи. В сокращении они были представлены в «Казправде» 15 сентября этого года. Мы предлагаем их в полном варианте в переводе сына писателя Ардака ДОСЖАНА.

СТО РАССКАЗОВ

В казахском литературном языке Ауэзов – особая и необходимая часть речи, эта часть особенно значима для моего творческого слога.

Рассказ – разрушитель классики и канонов. Мои главные произведения, не раз признанные лучшими и, как говорят, определившие пути развития современной казахской прозы, – это рассказы.

Сейчас я пишу цикл рассказов на историческую и современную тему, их география общая – это юг. Думаю, эти рассказы заставят критиков забыть о привычных шаблонах оценки произведения – совсем не типичными для казахской словесности обещают они быть. Осязаемая реальность здесь самым непостижимым образом совмещена с запредельным «сюром», а факт – с фантазией: чего стоит диалог отрезанной головы хана Кенесары с губернатором Западной Сибири Гасфортом! В дневнике Гасфорта я нашёл интересные моменты, которые до этого не были известны. К примеру, киргизские манапы после смерти Касымова приносят его голову князю Горчакову, который, в свою очередь, передаёт её губернатору Гасфорту, и некоторое время она хранится в его железном сундуке. Основываясь на этом дневнике, центральную линию рассказа о восстании я и веду посредством головы Кенесары. В литературе это называется магическим реализмом. Этим приёмом широко пользовались писатели Латинской Америки, в романах которых разговаривают, полемизируют, общаются мёртвые с живыми. Жорж Амаду и Гар-

сия Маркес смогли блестяще разработать этот метод. И я в этом случае использую метод «оживления», а также психологический метод потока сознания, когда герои сами свидетельствуют о себе.

Ильяс Есенберлин – один из тех людей, которые ушли из жизни с мечтой о независимости страны. Опираясь на его дневники, я хочу в одной главе показать его видение мира, его жизнь при советском режиме. В последующей главе рассказывается о том, как целинная эпопея в Казахстане в 50–60-х годах нанесла большой урон менталитету казахского народа, этническим корням, традициям, природе. Конечно, тогда вспахали много земель и получили большой урожай. Был экономический прогресс, но целина смела могилы многих батыров, биев, а кулпытасы и мазары с них использовались на фундаменты для машинных и скотных дворов. Этот страшный для национального сознания эпизод типичен для рассказов моего нового двухтомника с названием «100 рассказов». Ведь, к сожалению, это правда.

Сегодня каждый пишет что хочет, независимо от того, читаются ли все эти опусы. Появилось много новоявленных литераторов, чьи сочинения ничего общего с литературой не имеют, но они издадут книги, находят деньги и спонсоров. Большинство из этих так называемых романов или повестей не несёт ничего духовного и полезного. Отсутствует цензура, исчез контроль. Но и рукописи маститых писателей не обсуждаются, море книг не читается, критика безмолвствует. В последнее время меня спасают госзаказы. Мои книги об Абае, Ауэзове были заказами университетов. Профессиональной писательской деятельностью продолжают заниматься лишь те, кто не представляет свою жизнь без литературы.

ЯРОСТНЫЙ, НЕУТОМИМЫЙ ТРУД

Я много читаю. Мне интересно, кто лучше стал писать, кто из молодых пробивается, сравниваю с собственными произведениями. Молодые пишут однотонно. У них отсутствуют вариации, они не ищут новых форм изложения. Критики утверждают, что нам нужно сохранить выработанный казахской литературой стиль. Думаю, чтобы выйти на мировую арену, нам нужно меняться. Мышление нынешней молодёжи не схоже с тем, что было раньше. Нам нужно перенимать всё лучшее и с Запада, и с Востока. Не надо придерживаться чисто казахского изложения, казахской методики передачи авторского текста и изображения героя. Такие методики сужают круг интереса наших читателей.

Глубоко признателен, что меня читают начитанные и интеллигентные люди. Это меня окрыляет. Хотя термины «вдохновение», «настрой» не очень понятны мне, в моём словаре нет таких слов. Если я не загружен какими-то переживаниями и если есть время, то сажусь и пишу. Не понимаю я тех, кто, ссылаясь на отсутствие вот этого самого вдохновения, давно нечего не пишет. Чувствую себя счастливым тогда, когда читаю или пишу. В эти минуты всё забываю. А так житейские проблемы никогда не заканчиваются, они съедают человека изнутри, подобно эрозии души.

С первой своей книги, вышедшей в 1966 году, всегда отстаивал своё право на поиск особой краски для каждого момента жизни и смерти. Нежность, страсть, радость, скорбь, мольба, торжество, страдание и умиротворённость – всё это есть в палитре состояний человеческой души, созданной классическим стилем в методе потока сознания.

Главное отличие моего рассказа – предельно тесная и всесторонняя связь с местом его действия, с югом. Проблемы техники письма, работы с языком и литературной формой в рассказе выходят на первое место. Убеждён: всё по-настоящему важное литература доносит, не рассказывая историю, а уже самую формой, письмом, способом выражения речи – тем, как всё говорится. Здесь надо не столько внимать идеям, которые автор преподаёт читателю, сколько всматриваться и вслушиваться в текст. Мой текст надо в большинстве случаев не читать, а смотреть и слушать.

Каждый рассказ – это интеллектуальная и часто философская, прибегающая к усложнённым контекстам история.

Как художник предельной раскрытости, обнажённой восприимчивости ко всему, что происходит вокруг, всегда проявлял огромный интерес к явлениям социальной жизни. С годами набирал силу и мой повествовательный дар. По внутреннему складу и темпераменту я был, прежде всего, меланхоликом-лириком, и мир существовал для меня как нечто глубоко личное, как Родина или затаённый уголок аула в романтической душе. В лучшем, что создал, по-моему, всегда возникает этот особый сплав интенсивного мятущегося лиризма и жёстких жизненных перипетий сурового реализма, свойственного человеку, глубоко встревоженному социальными бедствиями и переменами. Эти перемены в постсоветскую эпоху происходили, к сожалению, очень часто.

Каждый мой сверстник описывал свою Великую Степь. И мы все создали грандиозный портрет Великой Степи – с её горизонтами и духотой, яростным натиском и блужданиями, жестокими горестями и неукротимыми надеждами. В этой пляске мастеров я кажусь самым неровным, всегда ищущим и не мастеровитым. Но не было среди моих сверстников, да и писателей последующих поколений, человека, для которого эта цель – создание портрета Великой Степи – в такой степени стала смыслом и содержанием жизни – всей моей сознательной бурной жизни, наполненной поистине яростным неумолимым литературным трудом.

ТВОРЧЕСКАЯ ТОСКА

История моего героя разворачивается последовательно, от книги к книге. Это не только цепь событий, вплотную следующих за биографией самого писателя, но и биография духа, рассказывающая о воспитании чувств, о морали и любви. О страстной привязанности к дикой степи и бегстве от неё. Мне иногда кажется, что я написал не рассказы и повести, а единую большую книгу жизни, как сам называю своё понимание творчества. Во мне живёт потребность выводить наружу все проблемы жизни, я отношусь к себе беспощадно, с наивной безоглядностью пишу я, не различая дня и ночи, заполняя папки тысячами страниц рукописного текста.

Человек я очень эмоциональный, всегда следующий диктату своей природы – открытой, доверчивой, в высшей степени эксцентричной, порой болезненно мнительной. По этой причине много себя отдавая близким людям, ещё больше требовал от них для своего неустроенного, мятущегося духа. Был на редкость откровенен во всём, во мне жила потребность обнажать своё ноющее сердце.

Ведь человеку, особенно творческому человеку, неизменно тенью сопутствует великая тоска. Тоска по близкому, по первозданной природе, по родному очагу... С малых лет я знал, что мир не так уж плох, но и не столь уж совершенен. Жизнь –

свирепая, добрая, страстная, великодушная, – и всё это я хотел узнать, вникнуть в самую её суть. Я готов пойти на край света, чтобы глубже постичь её. Буду знать Великую Степь, как собственную ладонь, и всё, что узнаю, перенесу на бумагу так, чтобы все люди читали и перечитывали.

Я весь музыкален насквозь, и все тексты моих рассказов построены на звуках, ритмах: в том есть душевный темперамент героя. Всегда был склонен к мифологизации обыденного и к внутреннему монологу – потоку сознания.

Всегда хотел найти Великую Степь, а найти её можно в своём сердце, в памяти и духе. Поэтому каждое моё серьёзное художественное произведение автобиографично.

Большинство моих героев – необыкновенные, страдающие, сверхчувствительные существа в конфликте со всем окружением. Внутренний мир персонажей – словно бесконечный туннель, пробивающийся сквозь житейскую толщу. Путь самопознания этих героев неизбежно вёл к людям, через преграды эгоцентрических страстей и трудно изживаемых предрассудков провинциала и южанина. Иначе быть и не могло, потому что основой противоречивой моей натуры является неугасимая, активная человечность и человеколюбие.

Принадлежу к тому поколению, чей характер начал формироваться в 60-е годы прошлого века, когда всё «своё» было общим, а «общее» – своим.

Представьте себе молодого человека, приехавшего в Москву из глухой казахской степи, плохо говорящего на русском языке, с кипой рукописей в сумке. Громадный город, полный людей, вечно спешащих и суетящихся, показался мне Ниагарским водопадом. В редакции журнала «Новый мир» меня приняла белокурая девушка с дымящейся сигаретой в руках. Она смотрела на меня укоризненным взглядом.

– Да вы знаете, куда попали?! – возмущалась она. – Сюда классики ходят, понимаете? Наш журнал публикует только классиков.

Я не отступал. Может, кто-нибудь из писателей всё же прочтает мои рассказы.

– Зря беспокоитесь. Классики, кроме себя, никого не читают.

Я поднял с пола сумку и собрался уходить, но в дверях чуть не столкнулся с человеком с орлиным носом. Симонов! Я даже не посмел попросить у него автограф.

...Вспоминаю свою встречу с Сергеем Михалковым. Это было 21 апреля 1997 года в беломраморном Колонном зале Дома Союзов. Тогда мне в составе казахстанской делегации посчастливилось присутствовать на торжестве по случаю 100-летнего юбилея Мухтара Ауэзова, а решением ЮНЕСКО 1997-й был объявлен годом Ауэзова. Сергей Владимирович долго рассказывал мне о своих встречах с Мухтаром, о том, как сам в 1931 году поехал в Казахстан работать в Зыряновском геологоразведочном управлении.

Я спросил его: «Сейчас что-нибудь пишете?»

– Давно не пишу. Живу воспоминаниями своими. Если помните, есть у Рафаэля Альберти книга «Потерянная роща». Я, как Джамбул, живу долго, мне 84 года, моих сверстников в писательском мире осталось мало. Многие уехали за границу. Я как-то особенно ощущаю себя последователем Мухтара в том смысле, что для меня всегда в этом человеке были дороги не только его поддержка гонимых или высокое гражданское мужество, но и его боль, стремление к искуплению наших земных грехов. Писатель – это, прежде всего, выразитель и хранитель людских страданий и надежд.

«Да, – подумалось мне тогда, – это действительно так. Но заставить себя не писать я не в состоянии». Жизнь в искусстве – нелёгкая доля, которую мы получаем в удел от богов: стоит человеку встать на этот путь, и покой утерян навеки.

ИССУШАЮЩАЯ ДУШУ БЕЗДНА

Мы, творческие люди, слишком уязвимы, легкоранимы. Наш мозг беззащитен. Думаю, простейшим приёмом психологической защиты от пропагандистского «промыывания мозгов» является сознательное прерывание контактов с источником информации. Достаточно время от времени прекращать смотреть телевизор на одну-две недели, чтобы произошло восстановление сознания. Наваждение, внушённое телевидением, проходит. После этого резко повышается наблюдательность, и какое-то время вы будете легко замечать, из каких телепередач «торчат уши».

И ещё один совет: если вам нужна объективная информация – отправляйтесь в научную библиотеку. Если же вы хотите получить порцию рекламы и политической пропаганды – включите телевизор или купите газету. И внимайте. Только временами останавливайтесь и отфильтровывайте от личных умозаключений те готовые штампы и иллюзии, которые изо всех сил хочет внедрить в ваше сознание анонимный авторитет.

Излюбленный приём введения в заблуждение, активно используемый всеми СМИ, относится к так называемой серой пропаганде. Давно доказано, что одним из самых эффективных методов влияния является обращение к авторитету. Авторитет, к которому обращаются, может быть религиозным, это может быть весомая политическая фигура, деятель науки. Имя авторитета чаще не сообщается. При этом может осуществляться цитирование документов, оценок экспертов, свидетельских отчётов и других материалов, которые необходимы для большей убедительности. Примеры: «Учёные на основании многолетних исследований установили...», «Источник из ближайшего президентского окружения, который пожелал остаться неизвестным, сообщает...». Какие учёные? Какие доктора? Какой источник? Сообщаемая таким образом информация в большинстве случаев является ложью. Ссылки же на несуществующий авторитет придают ей солидность и вес в глазах обывателей. При этом источник не идентифицирован, и никакой ответственности за ложное сообщение журналисты не несут.

Создание у медийной аудитории нужных настроений было отработано в Германии в период Второй мировой войны и незадолго до её начала. В частности, в радиопередачах использовались приёмы звукового воздействия, искусственно усиливающего агрессивные переживания. Все речи А. Гитлера сопровождалась музыкой из опер Вагнера, оказывающей гнетущее впечатление на слушателей: тяжёлая, сложная, она создавала ощущение надвигающейся военной машины, способной раздавить человека, и носила угрожающий характер.

Многочисленные телесериалы, а также развлекательные ток-шоу, в избытке представленные на современном телевидении, – сложная преграда серьёзному творческому человеку. Неординарность и самобытность человека стираются. Обратите внимание на тот высокий эмоциональный накал, на котором протекает подобное действие. Герои сериалов постоянно выясняют отношения на повышенных тонах, бурно проявляют свои характеры, сюжеты этих фильмов призваны держать зрителя в постоянном эмоциональном напряжении: «А что же будет дальше?»

Подготовленные участники ток-шоу, играющие роль «простых людей с улицы», рассказывают свои «жизненные истории» ярко и эмоционально, постоянно норовя свести счёты со своими обидчиками в прямом эфире. Всё это делается не просто так. Цель – создание у зрителей эмоциональной зависимости. Привыкнув получать дозу острых ощущений из данного источника, человек и в будущем будет пленником «голубого экрана». Телевизионные боссы сколачивают себе постоянную аудиторию сериалозависимых, шоузависимых и прочее. А постоянная аудитория – это уже товар, который можно очень выгодно продавать рекламодателям.

Сериалы и телешоу безжалостно поглощают нашу энергию и молодость. По теории Эйнштейна, на самом деле от нас уходит не время, а наоборот, мы оставляем время, привыкаем жить вне времени и, подобно змеям, оставляющим весной старую кожу, постепенно ветшаем и дряхлеем.

О НАСТИГАЮЩЕМ ВОЗМЕЗДИИ

Существует у литературных критиков особый отвлекающий приём – «держи вора». Этим приёмом пользуются псевдокритики и борцы за добротную литературу, задачей которых является дезориентирование читательской среды.

Ещё есть метод размывания вкуса творческой личности, когда необходимо снизить новаторство вашего приёма или вызвать негативную реакцию на какое-либо новое произведение. Используя его, можно нивелировать авторский хороший вкус, непрерывно восхваляя писателя, к месту и не к месту говоря о его необыкновенных способностях. Со временем такой писатель перестаёт работать над собой, над шлифовкой текста, улучшением литературного стиля, и «бронзовеет».

Казахи говорят: Если долго смотреть в колодезь, захочется упасть в него. Это о том, что в душе каждого человека есть тёмная и светлая сторона. Яссави, основатель школы суфиев, говорил: «Человек должен жить не для благоденствия, а для борьбы за увеличение света и уменьшение тьмы». Когда совсем исчезает тёмная сторона, человек становится пророком. Я следую этому закону – так жить легче. Конечно, можно переместиться и на тёмную сторону, – она, кстати, очень притягательна. Но это путь в никуда. Только свет и любовь могут создать нечто цельное из разрозненных мыслей. А без них все эти образы после нашей смерти исчезают в бездне.

Откуда берётся тьма? По-моему, у неё две основы. Первая – неустройство в судьбе человека. «Все беды – в крови», – говорил Фолкнер. Вторая – неустроенность общества. Сейчас много злых людей. И зло, порождаемое ими, заражает других. Поэтому, я думаю, нельзя во всём винить человека. Надо видеть и то, что происходит вокруг него, и то, что было до него.

Есть силы, присутствие которых ощущает в своей жизни каждый человек. На них основана гармония нашего мира. Они бесстрастно следят, чтобы в мире всё было уравновешено. В молодости, когда я совершал что-то нехорошее, эти силы отвечали мне болезнью или другим ударом. Возмездие наступает за всё – и за грехи, и за незаслуженное счастье. В романе «Шёлковый путь» я писал, что в стародавние времена долина Сырдарьи была раем на земле. Дичь можно было ловить руками, а палка, воткнутая в землю, скоро начинала приносить плоды. От этого достатка некоторые казахи обленились и перестали кормиться трудом. И судьба наказала их. Народ тоже попадает под действие закона возмездия. Сколько крови пролилось в нашей степи?

Абай в своём Двадцать восьмом слове пишет: «Вы видите, что одни богаты, другие бедны, одни больны, другие здоровы, одни легкомысленны, другие расположены к доброте и сознательны. Люди различны. Если кто-нибудь спросит вас, от чего это происходит, то вы ответите, что это дело творца, его воли. ...Нет, лучше, очевидно, понять так: бог – творец добра и зла, но не он заставляет их совершать. Создатель болезни – господь бог, но не он заставляет болеть. Бог создал богатство и бедность, но не бог сделал тебя бедным и богатым. Если ты так поймёшь веру то это ещё на что-то похоже, иначе всё пусто».

СТАРЫЕ ДРУЗЬЯ

Когда я приступаю к работе над художественным произведением, то перестаю смотреть телевизор, читать газеты, короче говоря, полностью отключаюсь от восприятия зрительных и слуховых сообщений СМИ.

Начинаю заново читать классиков, перелистывать старые рукописи, как бы ведя тихую, неторопливую беседу со старыми друзьями. Эти старые друзья, как психологическое сито, очищают мне душу, мой дух, – и я становлюсь более чувствительным, восприимчивым, и наступает ощущение, как будто смотрю на мир глазами ребёнка. Ощущение загадочной простоты: простоты слова, мысли, пейзажа, ситуации... Странность моего присутствия, одновременно глубоко укоренённого, казахского, аульного, природного и вместе с тем надмирного, музыкального, может озадачить читателей. В моей описательной прозе вспыхивают и гаснут страсти, как будто сами собой выпячиваются характеры; в смятении и грусти окидывает, оглядывает всё вокруг дикая степная страсть и странность.

По классическому стандарту существует как минимум семнадцать видов сюжетов романа. Но мне ближе слова Бальзака, который считал, что каждый человек достоин романа. Тем более что сейчас литература вообще не признает никаких канонов. Сегодня никого не удивит романом, реализмом, сюрреализмом, авангардизмом, тем же мистицизмом и потоком сознания. И уже никто не спорит с тем, что на бумагу может лечь любая мысль человека. Поэтому я пользуюсь сокровищами своей фантазии.

Писать биографии от рождения до смерти героя – это не моё. Нельзя быть просто бытописателем, нужно брать человека в состоянии «агонии души». Вот взять книги о героях афганских, вьетнамских войн – пишут, как они летали, как бомбили, как получали ордена. Получается посредственный описательный пересказ. Я же голый фактологией никогда не занимался. На меня даже писали жалобы в вышестоящие инстанции, что, дескать, я много фантазирую в своих книгах, слишком увлекаюсь психоанализом. Потом уже выяснялось, что некоторые герои моих произведений были слишком похожими на здравствующих тогда высокопоставленных лиц. Особенно в части заблуждений и душевных метаний.

Я намеренно отошёл от фактологии, показав в романе «Шёлковый путь», что Отрар пал из-за межродовых раздоров, из-за тщеславия, алчности, а также близорукости местной знати. Люблю исторический жанр. Но история для меня лишь сюжетная канва, не более. Героям нужно дать волю, нужно дать им возможность жить своей жизнью.

Сейчас идёт борьба за литературный рынок. Недавно почитал книги, выдвинутые на высокую престижную премию, – унылая тавтология. Всё какие-то на-

пыщенные, ненастоящие истории о любви. Меня как читателя занимает не то, как герой умывается, ест, занимается любовью, а то, почему он не в духе, всё время в унынии, какие мысли лишили его сна – в этом может сказаться алхимия слова.

О МОИХ ИСТОКАХ

Заранее ощущаю надвигающиеся беды или радости, тоску или сомнения. Во мне начинает пульсировать шестое чувство. Неким даром предвидения была наделена моя мать. От отца перенял я неимоверное трудолюбие и выдержку, от матери – чувство слова, музыкальность и остроту мышления. Оба прожили долгую, достойную жизнь: мать – 99, отец – 80 лет. Отца аульчане почитали аткаминером, то есть в буквальном смысле слова – всадником среди пеших. Он был председателем колхоза, человеком с большой буквы. А мать моя была «матерью Терезой» всего аула. В ней уживались чрезвычайная доброта, человечность и сочувствие ко всему.

Родился я и вырос в селе Куланшы Жанакорганского района в Кызылординской области. В юности много читал. Книга меня воспитала, в ней я нашёл многое. В детстве у меня была мечта: оставить после себя громкое имя. Я выбивал своё имя на камнях, на дереве, на стенах, лишь бы люди обо мне знали. А вокруг не было ничего, кроме двух-трёх юрт сородичей. Мой отец в конце 50-х годов наотрез отказался переехать из гор в низину, в районный центр, как того требовали партийные работники. После того как многие откочевали, мне досталась маленькая библиотека сельсовета, которую в спешке позабыли. За две зимы я прочитал все книги и дал себе зарок стать писателем. Первый мой рассказ о неординарных людях был опубликован в республиканской газете «Қазақстан пионері».

Нас в КазГУ учили замечательные преподаватели, многие из которых в своё время были высланы из Москвы, Санкт-Петербурга. Помню, как Михаил Иванович Мадзигон, известный специалист по зарубежной литературе, ходил жарким летом в солдатской шинели, читал нам Байрона, Бальзака, Мопассана, Сомерсета Моэма – и увлекался так, что забывал об аудитории, а студенты потихоньку выскальзывали за дверь. Однажды я остался его единственным слушателем, но он не удивился и продолжал рассказывать, увлечённо цитируя. Именно он велел мне прочесть поэму Байрона «Дон Жуан». В публичной библиотеке я нашёл единственный потрепанный экземпляр, прочитал и до сих пор восхищаюсь: какие краски, жемчужные слова. Иногда мне совсем не пишется. Всё кажется, что ручка застопорится. Тогда перед глазами возникают величественные образы, вроде Дон Жуана, Фауста, Дон Кихота, Абая, Хаджи Мурата. Они меня окрыляют, постепенно вырисовывается фабула, литературные прототипы раз за разом возникают из-за горизонта, словно миражи в пустыне.

Нас критики называли «поколение 60-х» или «поросль оттепели» – пришла эпоха, богатая талантами. Это были годы лихорадочного литературного изобилия, когда каждый день приносил с собой лавину книг. Что обычно служило мне первоначальным толчком для первого слова? Над этим вопросом я размышлял много раз. Чего греха таить, могу только интуитивно догадаться, почувствовать, что первоосновой многих моих рассказов служило обычно не событие, не реальная ситуация, не какой-нибудь подмеченный оригинальный характер, его неординарность, а скорее, поэтический заряд, созвучие слов, интонация и ритм лирической прозы, играющий на струне душевного переживания. Всё начиналось со слова.

Вот этот настрой и предопределял в дальнейшем всю канву, фабулу будущего рассказа. Вот что было в истоке.

Рассказы мои – это метания души. Ведь я, как губка, впитываю всё, что вижу. События моей жизни, преображённые через призму стиля, и становятся сюжетами моих рассказов. Свойства моего стиля неразрывно связаны с моими душевными переживаниями. Но я не перестану верить в человека, в его трудолюбие и доброту. Всё, чего я достиг, пришло через невероятный труд.

У казахов есть очень хорошие качества – благородство, терпение и трудолюбие. Считаю себя плотью от плоти казахом, поэтому и хочу раскрывать перед читателями эти качества открытости, щедрости духа, расположения к людям. Хочу дать молодым людям, мечтающим о творчестве, совет: будьте невероятно трудолюбивыми! Найдите в себе силы выплеснуть на бумаге свою боль, не думая о гонораре. Не щадите себя, не бойтесь раскрыть душу, следите за ходом своих размышлений. Не бойтесь высоких целей!

ПРАВДА ЖИЗНИ И ЛИТЕРАТУРЫ

О поисках сути. По-моему, суть человека проявляется в жизненных перипетиях, в горестях, в душевных муках. Там и нужно искать её писателю. В писателе-психологе кроется одновременно и логик, и физиолог. Сначала я изобретаю обыденного человека, обладающего определёнными чувствами, страстями. Затем бросаю его в гущу изменяющихся обстоятельств и последовательно описываю, как животрепещет эта душа в меняющихся условиях. Душевное движение героя либо убыстряется, либо замедляется, преломляясь через различные внутренние ощущения автора.

О стилистике. Некоторые писатели-стилисты чрезмерно увлекаются словесной виртуозностью, соперничают чуть ли не с музыкантами, стремясь показать гибкость и блеск своих изречений. Но эта витиеватость не может заслонять собой точное и ясное обозначение среды. Важны здесь не какие-то красивые фразы, слог, а обстоятельства, определяющие ход человеческого мышления. Здесь важен не стиль изложения, а доподлинная жизненная правда. Изображение должно дышать правдой.

О характерах. Труднее всего мне дался Далабай из романа «Большая река». Сложная, противоречивая и вместе с тем чувствительная, благородная, утончённая натура. Трагедия лишь в одном: он слишком поздно явился на свет, чтобы сделать партийную карьеру в исчезающем государстве под названием СССР, и не смог адаптироваться к бизнесу, рынку. «Потерянное» поколение. В результате он решает проложить себе путь через творчество, став то ли композитором, то ли журналистом. Вот он: казахский интеллигент конца XX века. Клубок страстей и разочарований, неудовлетворённых амбиций и разрушенных мечтаний.

Другой тип: человек бескорыстный и великодушный. Его зовут Палмантай, сверстники называют его аульная арба. Это земной человек, трудолюбивый. Если он и гибнет, то от избытка воображения. Затянувшаяся развязка – от любви-тщеславия до любви-страсти – шаг за шагом распутывает клубок неожиданных идей героя, детально вырисовывая механику душевных переживаний Палмантая. Об этом повесть «Лодочник». Критик Зейнолла Сериккалиев после прочтения повести писал: «Лучшая сторона произведения – это его стиль, расположение слов, течение мысли».

Действие романа «Ақ Орда» развивается вокруг фигуры Президента. Закваской любого произведения служат столкновения или конфликты, без которых оно теряет остроту. Вот и я в своём художественном описании острых ситуаций все время опирался на воображение, без которого повествование превращается в обыденный протокол. В работе с архивом мне помогла директор музея первого Президента в Астане. В результате мне удалось познакомиться с редчайшими материалами: ежедневником нашего Лидера, его записной книжкой, неопубликованной перепиской. Я не стал переписывать их дословно. Просто вообразил атмосферу, почувствовал ауру Ақ Орды и дал свою художественную версию ситуации.

Известно, что первоначальные эскизы здания Президентского центра культуры, монумента «Ел ана» и «Байтерека» наш Елбасы набросал сам – потом уже архитекторы приступали к детальной разработке. Прежде чем написать эту главу, я много читал об архитекторах Нормане Фостере, Оскаре Нимейере, Кензо Танге, можно сказать – вжился в характеры этих знаменитостей. Без вымысла писателю не обойтись, но чистая, безудержная фантазия может далеко увести. Садясь за рабочий стол, я как бы полностью перевоплощался в своего героя: горячо спорил с архитекторами, месил грязь новых столичных улиц, ругался со строителями, забывал о времени и о себе...

Я всё время мечтаю о таком шедевре, в котором выразился бы весь человек целиком, в такой ясной и чеканной форме, которая облегла бы его, как отлично сшитый костюм. Если прозаик обладает чувством меры, то первая страница задаёт тон всему произведению, устанавливается нужная тональность, в которой нельзя допустить фальшивую ноту.

ДОБРОВОЛЬНЫЙ ЗАТВОРНИК

Я весь в своих книгах. У меня никогда не было никаких пристрастий – ни к охоте, ни к шахматам, ни к бильярду, ни к рыбной ловле, ни к путешествиям. Я жил затворником и тратил всю жизнь на создание книг. Меня следует искать только в моих сочинениях. Трудился как бенедиктинец. Жил и дышал прозой. Постоянно стремился постичь реальность, суть жизни. Вёл самую простую, монотонную и размеренную жизнь.

Постоянно стремился к совершенству, к безупречности стиля. Чтобы проза текла ритмично и плавно, а стиль был зеркально ясен, всё время работаю, как чеканщик. Но, к сожалению, мне не всегда удавалось достичь желаемого.

Мечта об отточенном стиле и муки труда – всё слилось в одном стремлении – создать добротную прозу. Ещё в юности, перейдя от поэзии к прозе, понял, что написать страницу хорошей прозы втрое труднее, чем страницу хороших стихов.

Каждая судьба таит в себе замысел хорошей книги.

Подготовила Любовь ШАШКОВА

